



**Николай  
Амосов**

**МОЯ ВОЙНА**

**Полевой госпиталь**

Моя война

Николай Амосов

**Полевой госпиталь.  
Записки военного хирурга**

«Алисторус»

1975

УДК 617(092)Амосов Н.М.  
ББК 54.5Амосов Н.М.

**Амосов Н. М.**

Полевой госпиталь. Записки военного хирурга / Н. М. Амосов —  
«Алисторус», 1975 — (Моя война)

ISBN 978-5-906880-38-3

Николай Михайлович Амосов – врач с мировым именем, известный своими операциями на сердце и уникальными методами продления жизни. В первый же день Великой Отечественной войны он добровольцем пошел в армию и был назначен хирургом в полевой госпиталь. В невероятно трудных условиях врачи спасали раненных в битвах под Москвой и Сталинградом, на Украине, в Венгрии, в Германии, а затем были еще направлены на Дальний Восток и участвовали в войне с Японией. В своей книге Н. М. Амосов показывает войну так, как она виделась глазами врачей. Страдания, мужество, грязь и кровь; трагические, а иногда комические стороны войны представлены неразрывно, как это и было в действительности. Мемуары полны глубоких размышлений о времени Сталина, о сущности сталинизма, о советской системе в целом, о ее трансформации вплоть до полного краха в ходе «перестройки».

УДК 617(092)Амосов Н.М.  
ББК 54.5Амосов Н.М.

ISBN 978-5-906880-38-3

© Амосов Н. М., 1975  
© Алисторус, 1975

## Содержание

Автобиография	6
Эпоха Сталина. (Из книги «Голоса времен»)	13
1937 год	13
Пакт с Гитлером	15
Война с финнами	16
1941–1945 гг. Полевой госпиталь	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

**Николай Амосов**  
**Полевой госпиталь:**  
**записки военного хирурга**

© Амосов Н. М., правообладатели, 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

\* \* \*

## Автобиография

Все предки были крестьяне. Мама была акушеркой в северной деревне, недалеко от города Череповца. Отец ушел на войну в 1914-м, а когда вернулся, то скоро покинул семью. Жили очень скудно: мама не брала подарков от пациенток. Так она и осталась для меня примером на всю жизнь. Бабушка научила молиться, крестьянское хозяйство – работать, а одиночество – читать книги. Когда стал пионером, перестал верить в бога и узнал про социализм. (Однако партийная карьера на пионерах закончилась – ни в комсомоле, ни в партии не был.) Жизнь русской северной деревни познал с детства.

С 12 до 18 лет учился в Череповце, в школе, потом в механическом техникуме, окончил его и стал механиком. Жил бедно и одиноко. Скушал по дому, читал классику.

Осенью 1932 г. начал работать в Архангельске, начальником смены рабочих, на электростанции при большом лесопильном заводе – новостройке первой пятилетки. Работал хорошо. В 1934 году женился на Гале Соболевой и начал учиться в Заочном индустриальном институте. В том же году умерла мама.

В 1935 году, вместе с женой, поступили в Архангельский медицинский институт. За первый год учения окончил два курса. Все время подрабатывал преподаванием. Близко познакомился с ссыльным профессором физики В. Е. Лашкаревым. Он открыл для меня мир парапсихологии. В 1939 году «с отличием» окончил институт. Хотелось заниматься физиологией, но место в аспирантуре было только по хирургии.

Параллельно с медициной продолжал учение в Заочном институте. Для диплома, по своему выбору, делал проект большого аэроплана с паровой турбиной. Затратил на него массу времени, надеялся, что проект примут к производству. Не приняли. Но зато в 1940 году дали диплом инженера «с отличием».

Между тем аспирантура в клинике не нравилась, любовь прошла, семейная жизнь надоела, детей не было. Обсудили положение с Галей и решили пожить отдельно.

Уехал из Архангельска и поступил на работу ординатором – хирургом больницы в родном Череповце. Научился делать обычные операции на органах живота. Интерес к физиологии вылился в размышления над гипотезами о механизмах мышления, о взаимодействии регулирующих систем организма. Тетрадки с «идеями» храню до сих пор.

Сформировались убеждения по политике: социализм признавал, но к коммунистическому начальству относился плохо и в армии служить не хотел. Возможно, повлиял горький опыт семьи, поскольку в лагерях сгинули брат и сестра мамы.

22 июня 1941 года началась Отечественная война. Работал в комиссии по мобилизации, а через пару дней был назначен ведущим хирургом в Полевой подвижной госпиталь («ППГ-22–66 на конной тяге»).

В этом госпитале и в одной должности прослужил всю войну с Германией и с Японией. Госпиталь предназначался для работы в полевых условиях, был рассчитан на 200 раненых. Общий штат – 80 человек, врачей – пять. Плюс 22 лошади.

В госпитале я женился на операционной сестре Лиде Денисенко. Она пошла на войну добровольно после третьего курса пединститута и служила в медсанбате. Осенью 1941-го их дивизия была окружена и Лида месяц блуждала по лесам с группой солдат. Через линию фронта их переправили партизаны. Из Москвы ее командировали к нам. Была отличная операционная сестра и красивая девушка. Наш роман тянулся полгода, пока оформили брак в городе Речица. Еще до того пришло письмо от Гали: она служила на Северном флоте, вышла замуж и ждала ребенка.

Встречу 1945 года отпраздновали в лесу, в землянках. 15 января началось последнее наступление на Германию. Оборону немцев прорвали быстро, раненых получили всего около двухсот, обработали, наложили гипсовые повязки и отправили.

Несколько раз переезжали по территории Восточной Пруссии, почти не работая. Условия были отличные: все немцы выехали, городки и поселки были пусты, хозяйственного имущества («трофеи наших войск») – сколько угодно.

В городе Эльбинг мы встретили День Победы, имея 18 тяжелораненых.

В штабе армии получили медали и ордена, при нашем госпитале провели армейскую конференцию, месяц ждали решения судьбы, потом сдали лошадей, погрузились в эшелон и поехали домой. Когда пересекли Волгу, надежды на демобилизацию растаяли. Видели, как на Восток непрерывно идут воинские эшелоны, и все говорили, что будет война с Японией. После месяца пути через всю Россию выгрузились в Приморском крае.

В августе объявили войну. Мы приняли с десятков легких раненых на границе и двинулись в Маньчжурию. В это время американцы сбросили атомные бомбы, и Япония капитулировала. После нескольких переходов и переездов развернулись в городке Боли и даже приняли раненых, после короткого боя с японцами-смертниками.

В сентябре нас перевезли в район Владивостока. Здесь в течение месяца госпиталь расформировали: уехали санитары, потом сестры и женщины-врачи.

Так закончился славный путь ППГ 22–66.

За войну я стал опытным хирургом, мог оперировать в любой части тела. Особенно преуспел в лечении ранений груди, суставов и переломов бедра. К сожалению, перегрузки, постоянные переезды и необходимость эвакуации часто не позволяли доводить дело до конца, чтобы получить полное удовлетворение.

Раненых прошло чуть больше 40 тысяч. Почти половина – тяжелые и средней тяжести: с повреждением костей, проникающими ранениями груди, живота и черепа. Умерло свыше семисот: огромное кладбище, если бы могилы собрать вместе. В нем были и могилы умерших от моих ошибок...

После войны работал в Брянске. Шесть лет прошли как в сказке. Отличная работа, отличные люди: помощники – врачи из бывших военных хирургов и администрация больницы. Но главное – работа. Много сложных больных и новых операций – на желудке, на пищеводе, на почках – во всех областях тела. Но самыми важными были резекции легких – при абсцессах, раках и туберкулезе. Их я никогда не видел, методику разработал самостоятельно и за четыре года прооперировал больных больше всех хирургов в Союзе.

Работа в области с районными хирургами тоже была интересна: нужно проверять и учить. Много ездил, проводил конференции, показывал операции. Авторитет завоевал, хотя вначале был неприлично молод для такой должности.

Диссертацию защитил в 1948 году в Горьком. Через год уже выбрал тему для докторской: «Резекции легких при туберкулезе». Оперировал много, и в 1952 году диссертация была готова. Академик А. Н. Бакулев труд одобрил, прослушав мой доклад на конференции по грудной хирургии в Москве. Лида работала старшей операционной сестрой и окончила пединститут заочно. Однако учительницей быть не собиралась. Говорила: «Хочу стать хирургом!».

Тут подвернулся Киев: сделал в Институте туберкулеза доклад и показал операции. Директор А. С. Мамолат пригласил работать, министр обещал открыть еще отделение в госпитале для инвалидов войны.

Очень не хотелось уезжать из Брянска! Но куда денешься? Жена поступила в Киевский мединститут. Возможностей для карьеры в области не было. Решился, и в ноябре 1952-го переехали. Диссертацию подал еще из Брянска – и снова в Горький.

Киев. Сначала все не нравилось: квартира – одна комната, хирургия бедная, работал в двух местах, больных мало, помощники ленивые. Очень тосковал, ездил в Брянск опериро-



вать. Постепенно проблемы разрешились. В марте 1953-го защитил диссертацию. С малым перевесом голосов, но все же выбрали на кафедру в мединституте. Здесь была новая клиника, сложные больные, выступления на обществе хирургов. Двое помощников приехали из Брянска. Квартиру улучшили. Работа пошла.

В январе 1955-го сделал доклад по хирургии легких на съезде в Москве, имел успех. Тогда же начал простые операции на сердце. Лида училась нормально.

Ездил с докладами на конгрессы в Румынию и Чехословакию.

В 1956-м родилась дочь Катя. Беременность Лиды шла с осложнениями, поэтому делали кесарево сечение. До того, за двадцать лет семейного стажа, потребности в детях не ощущал. Лида настояла. Но как увидел это маленькое, красненькое, хлипкое существо, так и понял: кончилась свобода, уже не сбегу. Какие бы сирены не обольщали.

В том же году нам дали трехкомнатную квартиру – первую в жизни с ванной и уборной.

1957 год был очень важный: в январе клиника переехала в новое трехэтажное здание, а осенью я ездил на конгресс хирургов в Мексику. Там увидел операцию на сердце с АИК (Аппаратом искусственного кровообращения) и очень увлекся. Поскольку купить аппарат было невозможно, то разработал собственный проект – его сделали на заводе: наконец пригодились инженерные знания. В следующем году провели эксперименты на собаках, а к концу года попробовали на больном: у него случилась остановка сердца при обычной операции. Больной умер. После этого еще год экспериментировали. В 1959 году удачно прооперировали мальчика с тяжелым врожденным пороком сердца – так называемой «Тетрадой Фалло».

С 1958 года началась наша «кибернетика». Сначала это была лаборатория для отработки операций с АИК, потом присоединили физиологические исследования сердца с участием инженеров и математиков. В Институте кибернетики создали специальный отдел. Собрался коллектив энтузиастов. Он распался в девяностые годы, в отделе осталась только группа по ИИ, с которой дружу до сих пор.

В 1962 году с академиком П. А. Куприяновым мы совершили турне по клиникам США: познакомились с известными кардиохирургами – Лилихаем, Кирклином, Блэлоком и другими, посмотрели много новых операций. Некоторые из них остались в моем арсенале, другие – закончились печально. В частности, это коснулось пластики аортального клапана створками из нейлоновой ткани: у всех восьми больных наступил рецидив и пятеро погибли. Была настоящая драма.

В тот год проблема протезов клапанов вышла на первое место. Американец Старр создал шаровой клапан, в нашей лаборатории – свою модель, из полусферы, дополненной специальной обшивкой корпуса препятствовавшей образованию тромбов. Интересно, что Старр придумал то же самое и почти в то же время.

С 1962 года началось восхождение моей карьеры сразу по нескольким линиям. Причем без всяких усилий с моей стороны: я свято следовал правилу М. А. Булгакова: «Никогда ничего не проси».

Коротко перечислю карьерные успехи.

В начале 1962 года меня избрали членом-корреспондентом Академии медицинских наук. Предложил сам президент, А. Н. Бакулев. Затем в тот же год присудили Ленинскую премию – в компании четырех легочных хирургов. Следующий чин, уже совсем неожиданный – избрание депутатом Верховного Совета СССР. Вот так это было: вызвали в обком и сказали: «Есть мнение выдвинуть вас в депутаты. Народ поддержит». Я деликатно отказывался, мне действительно не хотелось, но настаивать побоялся: все под партией ходим! Попадешь в немилость – работать не дадут.

В депутатах я пробыл четыре срока. Заседаниями не обременяли – дважды в год по 2–3 дня: сиди, слушай и голосуй единогласно. Но была серьезная обязанность: принимать граждан и помогать в их трудностях. Я честно отработывал – вел прием раз в неделю. Приходили



по 4–10 человек, в основном по квартирным вопросам. Писал бумаги к начальникам, и как ни странно – в половине случаев помогало. Приемы эти были тягостные: горя наслушался свыше меры, в дополнение к хирургическим несчастьям. Все доходы депутата составляли 60 р. в месяц, один только раз ездил с дочкой на курорт. Правда, были бесплатные билеты на транспорте, но зато не брал командировочных денег в институте.

Чтобы больше не упоминать о чинах и наградах, перечислю сразу все последующие: 1969 – академик Украинской АН. Потом – три государственные премии Украины – за хирургию и кибернетику. В 60 лет дали Героя Соцтруда. Потом еще были ордена Ленина, Октябрьской революции. Это не считая четырех орденов за войну, звания заслуженного деятеля науки. Вот так обласкала партия беспартийного товарища. Но значков на пиджак не вешал.

Моя совесть перед избирателями чиста: не обещал, не лгал, коммунистов не славил. То же касается и больных: никогда ничего не брал, и даже в вестибюле висело распоряжение: «Прошу не делать подарков персоналу, кроме цветов».

Что касается фрондерства к властям, то преувеличивать не буду: против не выступал. Крамольные книжки из-за границы возил во множестве, пользуясь депутатской неприкосновенностью, но держал под замком.

Был ли я «советским человеком»? Наверное, все-таки – был. Менять социализм на капитализм не хотел. Завидовал западным коллегам по части условий работы, но чтобы уехать – мысли не возникало. Несмотря на правителей-коммунистов, наше общество выглядело более человечным. Права бедного народа на работу, пенсию, соцстрах, лечение, образование, почти бесплатные квартиры и транспорт казались важнее свободы прессы и демонстраций против правительства. Они ведь нужны только кучке интеллигентов. Тем более когда открытые репрессии после Сталина резко уменьшились. Истинное положение «трудящихся» на Западе я узнал много позднее. Пересмотр политических взглядов произошел уже после горбачевской перестройки...

Любовь к дочке была самым сильным чувством в моей жизни. Воспитывал ее по науке: в три года умела читать, рано пристрастилась к книгам, с четырех – английский. Театры, музеи, выставки, поездки в Москву, в Ленинград, даже в Германию. А главное – разговоры и любовь.

Не все шло безоблачно: после первого курса был нервный срыв. Московские психиатры чуть не залечили психотропными средствами. Вмешался, забрал домой, все отменил, взял в клинику операционной сестрой на свои операции. Выправилась, но год потеряла.

Перечислю важное о Кате. Вышла замуж на последнем курсе, окончила с отличием, поступила в аспирантуру по терапии, защитила кандидатскую, потом – в 33 года – докторскую. Родила дочку – Анюту, получила кафедру, написала четыре книжки и много статей, подготовила два десятка диссертантов. Последнее событие – в 2000 году – избрали в члены-корреспонденты Медицинской академии. Муж – профессор хирург. Вот такая получилась дочь. Горжусь.

В том же 1970 году было еще событие: Лида взяла собаку, сучку трех месяцев, доберман-пинчер, назвали Чари. Собака мне была не нужна, Лида взяла для себя. Однако пришлось ее выгуливать и она стала мне как близкий друг. На девятом году жизни, я не досмотрел, случилась первая беременность, не могла родить, сам оперировал дома, щенята были мертвые. Погибла от пневмонии. Три дня от нее не отходили. Очень переживали. И тут же взяли такую же – «Чари вторую». Эта жила десять лет, так же любили. Умирала от рака, очень тяжело. Больше брать собак не решились: слишком много переживаний, когда умирают.

Чари побудила меня бегать, чтобы рационально использовать время, отведенное для гулянья.

Физкультура для меня – одна из основ жизни. Придется рассказать историю. В раннем детстве я рос один и «программы» физического развития не отработал. Труд в хозяйстве прибавил силы, но не дал ловкости: плавать, танцевать и ездить на велосипеде не научился. С уроков физкультуры сбегал в школе и в институте. Но всегда был здоров. На войне впервые

был приступ радикулита, потом он часто повторялся, возможно, от длительных операций. В 1954-м стало совсем плохо: на рентгене определились изменения в позвонках. Тогда я и разработал свою гимнастику: 10 упражнений, каждое по 100 движений. Это помогло. Чари добавила утренние пробежки. Система дополнилась ограничениями в еде: строго удерживал вес не более 54 кг. Продумал физиологию здоровья, и получился «Режим ограничений и нагрузок» – любимая тема для публики.

О лекциях стоит сказать особо. К публичным выступлениям пристрастился в конце 60-х годов. Наверное, мне льстили аплодисменты и возможность говорить на грани дозволенного: надеялся, что депутатский статус защитит от КГБ. Сначала выступал от общества «Знание», а когда прославился, приглашали всюду, в Москву, Ленинград, Прибалтику. На Украине объездил все области: приезжал на один день и прочитывал три лекции. Темы были самые разные: от «здоровья» до социализма и искусственного интеллекта. Платили по 40 рублей за лекцию, но и тегодились на «левые» (мужские) расходы.

**Новая клиника.** В конце шестидесятых годов трехэтажный дом стал для нас тесен. Высшее начальство решило построить еще одно большое здание. Проектировали долго. В 1972-м начали строить, и через три года закончили. Большой дом в шесть этажей с операционными, конференц-залом с расчетом на 350 кроватей. Старое здание оставили под поликлинику, рентген и аптеку. Расширили штаты, набрали выпускников из института. Получилось хорошо. К 1980 году количество операций довели до 2000, из которых 600 – с АИК.

Результаты, однако, не радовали, настроение было плохое, хотя я оперировал ежедневно.

В 1981 году, при моем неохотном согласии, Лида купила под дачу вполне приличный дом, в поселке за полсотни километров от города. Я приобщился к дачной жизни только через год – понравилось бегать в лесу и столярничать в мастерской. В институт ездил на электричке.

В июле того же 1982 года произошел очередной душевный кризис: часто умирали больные. Объявил, что на все лето бросаю хирургию и буду заниматься только кибернетикой. Жил на даче три месяца – делал модели общества и ездил на семинары в своем отделе.

Только в ноябре начал понемногу оперировать. Постепенно все вернулось к прежней жизни.

**Болезнь.** Все беды приходят неожиданно: на фоне обычного режима летом 1985-го начались перебои в сердце. К осени развился полный блок: частота пульса – 40, бегать уже не могу. Нужен стимулятор, но я упорствовал, пока не развилась гипертония. Под Новый год передал институт заместителю – думал, что насовсем, и поехал на операцию в Каунас, к Ю. Ю. Бредиксу. Лида и Катя поехали со мной.

Стимулятор заработал отлично, и к середине февраля 1986-го я вернулся: снова директорство, операции, бег.

Аварию в Чернобыле, в апреле 1986-го, семья пережила на даче, 50 км от злополучного места. Я с самого начала считал, что вредные последствия преувеличены: писатели и политики напугали публику и весь мир. В результате миллионы людей сделали невротиками на многие годы. Врачи тоже поддались этому психозу.

В 1987 году в стране начались эксперименты: выборный директор, кооперативы, самостоятельность предприятий, советы трудового коллектива. Мы тоже добились хозрасчета, чтобы получать деньги от министерства не по смете, а за операции. Результат – количество операций с АИК почти удвоилось и приблизилось к двум тысячам. В полтора раза повысилась зарплата. Работать стало интереснее.

Между тем в декабре 1988-го подошел юбилей: 75 лет. Решил оставить пост директора, но продолжать операции. Были трогательные проводы: чуть не расплакался. Раз в неделю я оперировал с АИК. Но это была уже другая жизнь, скучная...

В стране господствовала эйфория демократии – свободно выбирали Народных депутатов. С 1962 по 1979 год я уже был членом Верховного Совета и тогда убедился, что это ширма для диктатуры партии. Теперь, казалось, все будет иначе: народ получит реальную власть.

Я-то знал, как ее нужно употребить. Поэтому, когда наши врачи выдвинули меня в кандидаты – я согласился. Было пять конкурентов, включая кандидата от КПСС, но я прошел в первом туре.

В мае 1989 г. был 1-й съезд народных депутатов: две недели свободных высказываний, выступления Сахарова, отмена контроля партии, первый демарш прибалтов и многое другое.

Меня выбрали в Верховный Совет: нужно заседать непрерывно, как в настоящем парламенте. Я просидел три месяца и убедился, что эти пустые словопрения не для меня. В Киеве пытался проводить свою программу помощи медицине и школе и снова потерпел неудачу: порядки остались прежние, администраторы со всем соглашались, но ничего не делали. На депутатские приемы приходили по 30–40 человек, они уже не просили помощи, как раньше, а требовали. При публичных встречах народ резко критиковал власть. Депутатам тоже доставалось.

Осенью, по моей просьбе, московские врачи помогли освободиться от парламента – нашли аритмию. Но заседания и приемы избирателей остались. Загрустил. А что сделаешь?

Но все-таки жизнь в Москве не прошла без пользы: Верховный Совет открыл доступ к статистикам и запрещенным книгам.

Провел три большие социологические исследования через газеты, узнал настроения народа. Об этом опубликовал несколько статей в газетах и журналах.

Самое главное: пересмотрел свои убеждения, убедился, что социализм уступает капитализму по эффективности. Частная собственность, рынок и демократия необходимы для стойкого прогресса общества. От этого выигрывают не только богатые но, со временем – и бедные.

Дальше следовали события 1991–92 гг.: разгром путча, распад Союза. Верховный Совет перестал существовать, Горбачев ушел в отставку.

Независимость Украины я приветствовал. Раз есть народ, есть язык – должна быть страна. Казалось, наступает новая эра.

К сожалению, надежды на процветание Украины и России не оправдались. Партийные начальники овладели демократической властью и государственной собственностью и наступил жестокий кризис всего общества. Производство сократилось в два раза, половина народа обеднела, социальные блага резко уменьшились из-за недостатка денег в бюджете. Распространилась коррупция и выросла преступность. Народ разочаровался в демократии.

В 1997 году совместно с фондом член-корреспондента НАНУ Б. Н. Малиновского провели большое социологическое исследование через украинские газеты – получили 10 000 анкет. Основные выводы: народ бедствует, недоволен властями, пожилые хотят вернуть социализм, молодые – двигать реформы дальше. Такой же раскол по поводу ориентации Украины – на Россию или на Запад. Данные опубликовали, но полемики они не вызвали...

В зиму 1998 года состояние сердца еще ухудшилось. Ходил с трудом. В начале мая 1998 года Толя Руденко из нашего института договорился с профессором Керфером из Германии, что он возьмется меня оперировать. Катя и директор института Г. В. Кнышов организовали эту поездку. Городская администрация согласилась оплатить расходы.

После этого решения воля к жизни упала, состояние ухудшилось и я ощутил близость смерти. Страх не испытал: все дела в жизни сделаны.

26 мая Катя, Толя и я приехали в небольшой город Bad Oeynhausen, недалеко от Ганновера – в клинику Reiner Korfer. Обследование подтвердило резкое сужение аортального клапана и поражение коронарных артерий. 29 мая профессор вшил мне биологический искусственный клапан и наложил два аортокоронарных шунта. Сказал, что гарантия клапану – пять лет. После операции были неприятности, но все закончилось хорошо...

Так прошла жизнь. Что в ней было самое главное? Наверное – хирургия. Операции на пищеводе, легких, особенно на сердце, делал больным при угрозе скорой смерти, часто в условиях, когда никто другой их сделать не мог; лично спас тысячи жизней. Работал честно. Не брал денег. Конечно, у меня были ошибки, иногда они кончались смертью больных, но никогда не были следствием легкомыслия или халатности.

Я обучил десятки хирургов, создал клинику, потом институт, в которых оперировано свыше 80 тысяч только сердечных больных. А до того были еще тысячи с другими болезнями, не говоря уже о раненых на войне. Хирургия была моим страданием и счастьем.

Все остальные занятия были не столь эффективны. Мои статьи и лекции пользовались успехом и льстили тщеславию, а участие в Верховном Совете было скорее вынужденным, служило поддержанию престижа клиники. Вреда людям оно не принесло, и пользы – тоже. Я не кривил душой, не славословил власти, но и против не выступал, хотя и не любил коммунистов-начальников. Однако верил в «социализм с человеческим лицом», пока не убедился, что эта идеология утопична, а строй неэффективен.

В личной жизни я старался быть честным и хорошо относился к людям. Они мне платили тем же. Однако свои душевные качества не преувеличиваю: не герой и не борец за правду.

Если бы можно начать жить сначала – я выбрал бы то же самое: хирургию и в дополнение – мудрствование над «вечными вопросами» философии: истина, разум, человек, общество, будущее человечества.

*2007 г.*

## Эпоха Сталина. (Из книги «Голоса времен»)

### 1937 год

События того времени: процессы врагов народа (Бухарин, Рыков) и выборы в Верховный Совет.

О как возмущали эти судебные спектакли на кремлевской сцене! Так низко пасть героям-революционерам! Тем и другим – обвинителям – то есть Сталину, и жертвам, бичующим себя. Мы не верили ни одному слову. Только спрашивали: как это возможно? пытки? Но процессы – публичные – объяви, пожалуйста! Лион Фейхтвангер, («Москва 1937») свидетельствовал: «отлично выглядели, никаких следов избиений». Вера в коммунистов окончательно рухнула. Всю жизнь носил в душе эту занозу антипатии и презрения. Нет, Амосов, будем точны: кроме короткого периода 42-го года во время разгрома немцев под Москвой. Но даже тогда не словословил Сталина и коммунистов. Ничего не подписывал, когда клеймили академиков и писателей, не выступал на собраниях.

Но ведь молчал, Амосов? Против – только на кухнях. К диссидентам – не примкнул. Так что, давай не будем.

Нет, не будем. Объяснение? Рассудочность: рано научился оценивать человеческую природу, рассчитывать «за и против», шансы на успех движений, сомнительность идей.

Впрочем, не стану оправдываться:

«– Трусоват был Ваня бедный!».

Не настолько, чтобы предавать, но достаточно, чтобы не бросаться в драку. Всегда жалко было потерять любимую работу. Полезность ее для людей не вызвала сомнений. Впрочем, и эти слова – не для героев...

Чуть пораньше, будто в насмешку, родилась социалистическая демократия: «царь дал манифест» – Сталинскую конституцию. В декабре 1937 были выборы в Верховный Совет. Я даже был в театре на выдвижении кандидатов.

То еще было зрелище!

Первым кандидатом везде называли товарища Сталина. Хлопали стоя – 15 минут, ей-богу, не вру, замечал по часам. Ура кричали без счета раз.

Резервным кандидатом, от «союза коммунистов и беспартийных», выдвигали первого секретаря архангельского крайкома Конторина. Аплодировали недолго, «ура» не кричали, соблюдали дистанцию.

Выбрать его не успели. Три дня спустя я видел его жену заплаканной, она была нашей студенткой. Шепоток шел в массах: «Арестовали Конторина. Враг народа».

Каюсь: большой жалости к партийным вождям не ощущал.

«Носить бы вас не переносить!». Другое дело – интеллигенция, свое – родное. Попадали, как кур в ошип, в чужую кашу.

Странно, но моя ненависть к партийным боссам сочеталась с верой в социализм. В то время европейские интеллектуалы тоже попадались на эту удочку: умел втирать очки Сталин. Достаточно было прочесть выступления Анри Барбюса, Бернарда Шоу и Лиона Фейхтвангера, Ромена Роллана.

Бешеная пропаганда была перед первыми выборами. Из студентов создали бригады, чтобы ходить по домам. Даже я не сумел увильнуть, дали мне двухэтажный дом, набитый жильцами под завязку (тогда всюду так было). Приказано было познакомиться с каждым избирателем, прочесть с ними «обращение». В день выборов проследить лично, чтобы каждый пошел. Не может – принести ящик домой.

Все же я наплевал на них. Один раз зашел в домовый комитет, проверил список и больше не являлся. Бригадиру врал, что хожу. Ругался.

В день выборов, помню, 12 декабря, с самого утра уехал на завод и только вечером появился проголосовать. Общественные начальники на меня накинулись:

– Где ты шлялся, такой-сякой, за тебя пришлось работать!

– Вот ужо нажалуемся, со стипендии снимем!

Нет, не сняли. Последствий не было.

Много раз я потом ходил на «всенародное голосование», сначала честно отпуская бюллетени, боялся НКВД, потом осмелел и вычеркивал, благо в кабину рекомендовали заходить.

Не будем преувеличивать: «Дуля в кармане»...

Еще запомнился эпизод из более позднего времени, когда уже Ежова арестовали. Шел какой-то пленум ЦК и был доклад Кагановича, его тогда в Киев назначили. Он назвал потрясающую меня цифру: 80 % членов партии киевской организации написали доносы в НКВД. Подумать только, что сделали коммунисты с народом! Надо же было так его изнасиловать. При том что всегда считал рядовых коммунистов, в массе своей, честнее нас, беспартийных.

В августе 1938-го были события на озере Хасан. Гитлер с японцами заключили союз. «Запахло жареным».

## Пакт с Гитлером

...В августе 39 года началась моя «военно-полевая хирургия», а по существу травматология. Чистая, культурная клиника директора, тридцать коек. Больные с переломами, лежат долго. Работы мало, треп в ординаторской. За четыре месяца я научился лечить травмы. Так я считал.

В один из последних дней августа был в бане. Одеваюсь и слышу радио: «Приезжал Риббентроп. С Германией заключен Пакт о ненападении». С него началась Вторая мировая война. О секретном договоре «Молотов-Риббентроп», которым Европу поделили, мы узнали только при перестройке.

Меня как обухом по голове. Ну не сволочи ли наши вожди? Трепались, трепались про фашистов, а теперь повернули на 180 градусов. Да разве же можно верить Гитлеру?

Перед тем несколько недель велись вялые переговоры с Англией и Францией, чтобы заключить союз. Они будто бы упирались и не хотели пропускать наши войска через Польшу. И вообще – саботировали, пытались столкнуть нас с Германией, чтобы ослабили, а потом прихлопнуть обоих: «хитрые империалисты». Сначала японцев напустили в Монголии, на Халхин-Голе, не получилось, так пусть, дескать, с Гитлером подерутся.

Все это выглядело похожим на правду, советские граждане верили газетам и даже я поддался. И вдруг – такая бомба!

1 сентября 1939 года немцы напали на Польшу. Будто бы в ответ на их провокацию. Наши подавали это с серьезным видом. Еще через несколько дней вступили в войну мы: «Воссоединение братских народов».

Каждый день печатались реляции: «Украинцы и белорусы радостно приветствуют Красную армию, освобождающую народ от польского ига».

Так вот: была Польша – и нет. Позади уже Чехословакия, Венгрия, Австрия. Силен Гитлер! Или – нахален?

Англия и Франция объявили немцам войну, но воевать не спешили, сидели за линией Мажино. Называлось: «странная война». Много польских войск были интернированы в Союзе, их судьбы будут долго обсуждаться, пока окончательно прояснится: наши гебешники расстреляли офицеров в Катыни. Из оставшихся во время войны создали Польский легион.

Масса евреев устремила из Польши на восток, к нам. Пресса об этом помалкивала, но народ говорил, будто бы немцы сгоняют евреев в гетто.

Вообще чудные дела совершались; месяц назад – были фашисты, творили всякие безобразия: сажали, выселяли, конфисковали. Устраивали «хрустальную ночь». И вдруг за один день все изменилось: вполне добропорядочные немцы.

Что оставалось советским гражданам?

Приветствовать правительство, «снявшее угрозу войны». Впрочем, хватило ума не устраивать митинги с нашим обычным «Одобрям!». Понимали, что трудно переварить дружбу с фашистами.

Несчастливая Россия! Был царь, теперь Сталин.



## Война с финнами

В конце 1939 года началась война с Финляндией. Конечно, устроили представление: «Финны обстреляли пограничников». Мы – ультиматум: «отодвиньте границу». Все врут: сами напали, хотели обезопасить Ленинград, а может быть, и присоединить финнов к Союзу. Иначе зачем было объявлять о правительстве во главе с коммунистом Куусиненом? Но поторопились!

Позор был, а не война. Двести миллионов против трех. Эшелон раненых, три четверти – обмороженных. Сам видел – привезли в Архангельск, даже к нам в клинику попали.

Но продукты из магазинов враз исчезли и больше уже не появлялись...

В 1940 году дела снова осложнялись: наши войска вошли в Прибалтику. Объяснили: дескать, «нас народ хочет». Понимай – от немцев спастись. Как же! Эстонцы и латыши спят и видят немцев, еще со времен Петра.

## 1941–1945 гг. Полевой госпиталь

### *1941 год. Начало*

В это время я работал в Череповце. Помню, через темные сени я вхожу в большую комнату, совсем пустую. Жалкая мебель, комод с фотографиями, над ним на стене рупор.

Конец фразы диктора:

– ...Молотов...

И дальше – речь: «Граждане и гражданки Советского Союза! Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы».

Война! Война!

Я пришел в этот дом, чтобы навести справки о своих сводных братьях. Долго собирался – и так неудачно.

Тихо в городе. Домики дремлют под липами. По деревянным тротуарам изредка простучат каблук девчонки. Иногда из окон слышится радио – музыка.

«Была ли речь-то?» – Была.

Обманчивая тишина. Те, кто слышал Молотова, уже горько думают. Но не все еще и знают.

Мысли по инерции бегут по старым дорожкам, но натываются на острое. О больных. Вчера прооперировал старика с ущемленной грыжей. Нужно пойти посмотреть. Возможен перитонит.

«Хирургии теперь будет – сколько угодно!»

Пошел в больницу. За полчаса город уже изменился. Суeta, тревога. Женщины спешат с кошелками. У магазинов – очереди. Мужчин не видно. Наверное, дома – последние часы. По радио все еще музыка. Но вот-вот местный диктор объявит:

Приказ: «Явиться через два часа после объявления всеобщей мобилизации по адресу...»

В вестибюле много посетителей. Обычно в воскресенье здесь довольно приятно. Выздоравливающие выходят к родственникам, радостно улыбаются, что-то говорят и тут же, на скамейках, закусывают. Сегодня только плачут.

Девушка-санитарка дает мне халат и сообщает:

– Вас вызывают в военкомат.

У военкомата, на углу Советской и Энгельса, оживленно. Толпится разный народ, мужчины военные и в гражданском. Часовой. Свежий приказ на двери. Чернеют слова: «Всеобщая мобилизация».

Майор распорядился:

– Пойдете во вторую школу на призывной пункт хирургом в комиссию. Сейчас.

2-я школа новая, четырехэтажная – украшение Череповца. Пока здесь относительно тихо. Врачи уже в сборе. Я знаю их всех: терапевт, глазник, отоларинголог, невропатолог и я – хирург. Начальник пункта, толстый подполковник, предупредил:

– Товарищи врачи, судите строго и ответственно. Я знаю ваши штучки – направлять на консультацию, обследования. Этого не нужно. Времени нет. За два дня мы должны отмобилизовать наши контингенты.

Мы рассаживаемся в двух кабинетах. С четырех часов пошли мобилизованные. Регистратура выдавала нам их карточки. Солдат вызывают из коридора по фамилиям, секретарь проверяет, когда проходил медкомиссию. Если давно – посылает к врачам, если недавно – спрашивает:

– Здоров? Служить можешь?

– Могу.

Штамп – и конец. Принят.

Вот они идут передо мной – защитники Отечества. От 20 до 35. Колхозники из пригородных деревень. Рабочие наших заводов. Мелкие служащие. Плохо одетые, но не запущенные, в чистых рубашках. В большинстве – худые. Хмурые. Слов не говорят. Собрались на тяжелую работу. Нужно.

Они раздеваются у входа в класс, в загородке из скамеек, и подходят к доктору, прикрывая ладонями стыдные места.

Голый человек совсем незащищен.

Он даже соврать боится, если, конечно, опыта не имеет.

– Ну, так что болит?

– Да так, ничего, к погоде плечо грызет, перелом был.

Ему 35 лет, трое ребят. Руки от работы будто покрыты дубовой корой. Он робко говорит свои жалобы, чуть-чуть надеется, что доктор найдет какой-нибудь огрех в его теле и отпустит домой.

Я смотрю на его руку, проверяю силу и объем движений в суставах. Потом слушаю его грудь. Слушаю больше для порядка: он здоров.

– Все у вас хорошо. Нужно служить.

– Служить так служить...

Следующим идет молодой парень, с чубом, с улыбкой всеми зубами.

– Не, не служил. Порок сердца признавали, отсрочивали. Да я здоров, доктор, здоров! На лесопильном работаю. На фронт надо, фашистов бить.

Послушал сердце и написал: «Годен к строевой службе».

Попадают и такие, что симулируют. Наивно, большей частью без особых надежд на успех.

Часам к семи вечера народ пошел густо. Очередь шумела в коридоре. Выпившие попадались все чаще и чаще. Совсем пьяных отсеивали в регистратуре – складывали в один класс, вповалку, чтобы проспались. Без особых придинок. Тех, кто уже прошел комиссию, собирали в другой класс, а как накопится взвод – строили на дворе и – на вокзал.

Из открытых окон видно, как вокруг разрастается целый лагерь. На телегах и на земле сидят бабы, дети и мужики компаниями, беседуют, едят, выпивают. Это из колхозов приехали, кто подальше. Изредка песни слышатся.

Когда из задних дверей школы выводят очередной взвод, весь лагерь подхватывается и люди кидаются к школе: посмотреть своих и провожать – совсем, на войну. Женщины бросаются прямо в ряды, все мешается. Старшины, что отводят новобранцев, кричат охрипшими голосами, отгаскивают особо мешающих.

Взвод отправляется вдоль Советского проспекта. Мужчины держат за руки детей, жены виснут у них на плечах, другие – скромные – идут поодаль. Шум, возгласы, рыдания.

Потом женщины будут возвращаться домой, одинокие, растерянные – к новой жизни – Солдатки.

Работали без перерыва, вечер и в ночь. Окна завесили одеялами. От самолетов.

Отец мой пошел на войну в августе 1914 года. Мама рассказывала, как провожала его из деревни в Череповец, и, наверное, также стояла около пункта и плакала. А потом возвращалась на пароходе в семью своей жадной свекрови.

К двум часам рассвело и сняли одеяла с окон, но работа остановилась. Людской поток иссяк. Вот и кончился наш первый день войны.

А что там, на фронте?

### ***Едем на фронт***

Сегодня мы едем на фронт! Нужно, нужно ехать, активно действовать.

Какими тягостными были эти дни... Утром 23-го на призывном пункте я слушал первую сводку: «Противнику удалось занять Кальвотин, Стоянут...»

Днем ходил в военкомат, сдал начальнику свой белый билет. Сказал, что хочу служить. Он не расспрашивал. Затребовал личное дело и сделал пометки.

А вчера утром все изменилось. Вызвали из больницы в военкомат...

– Пойдете на улицу Коммунистов, 5. Там формируется полевой госпиталь. Поговорите с начальником Хаминовым.

Пришел, представился...

– Я врач, Амосов.

Вижу – разочарование: я молод, худ, невысок. Усадил и начал расспрашивать. Все рассказал честно. Выглядело, наверное, слабо.

Начальник неплох. Хаминов Борис Прокопьевич, военный врач 3-го ранга. Одна шпала. Физиономия внушительная – второй подбородок, но на воротнике лежит жестковато. И животик при высоком росте и осанке тоже кажется жестким. Посмотрим. Глаза у Хаминова карие, навывкате. Большая бородавка на щеке.

– Беру вас начальником хирургического отделения.

Не скрою, хотелось бы большего, но нет и негде взять. Должен был из Ленинграда отличный хирург приехать, но нет его. Видимо, перехватили.

Так я попал в ППГ 22–66.

Хаминов взял и второго нашего ординатора, Лидию Яковлевну. Мы с ней близко дружили. Любовь? Нет, любви не было. Не знаю, для войны хорошо это или плохо? Но лучше бы она осталась дома!

Выдали обмундирование: гимнастерку, брюки «х-б», офицерские фуражки царского образца, с блестящим козырьком. Шинель. Обувь: портянки, обмотки, ботинки. Я их не взял, купил на базаре хромовые сапоги.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.